

Чу Юань отрешенно прикрыл глаза.

Десять лет назад, после тяжелой болезни, он понял горькую истину: сердца людей непостижимы и изменчивы. Если Лу Жунхуай желает его смерти — у него не было на то возражений.

Смерть казалась ему не концом, а долгожданным избавлением. После нее он обязательно встретит матушку-императрицу; она с улыбкой обнимет его и угостит сахарными бобовыми пирожными. А рядом будет стоять Лэ Шу и тайком посмеиваться — так широко, что видны зубы, а глаз почти не разглядеть, и его брови будут радостно приподняты...

«Лэ Шу...»

«Лэ Шу еще жив! Он в той карете!»

Чу Юань резко распахнул глаза.

— У княгини есть что добавить? — наемник в черном занес меч, удивленный этой внезапной переменной.

Чу Юань заставил себя успокоиться. В его прежде пустых и безжизненных глазах вновь вспыхнул свет. Лицо юноши побелело от холода, а губы посинели, но голос прозвучал твердо:

— Уважаемые братья, далеко ли отсюда до столицы Ецзин?

— Десять ли, — наемник подозрительно прищурился. — Неужели вы надеетесь, что кто-то успеет прийти на помощь?

Чу Юань вдруг улыбнулся. Его лицо разгладилось, словно он и вовсе забыл о мече, занесенном над его головой.

— Никто не придет. У меня лишь одна просьба.

— Предупреждаю: не вздумай хитрить, иначе умрешь очень некрасиво, — настороженно произнес лидер группы.

— Я и так в плачевном состоянии, не владею боевыми искусствами и совершенно не знаю этих мест. Куда мне бежать? Можете не беспокоиться, — Чу Юань намеренно проявил слабость. Его самобичующий тон сработал: хватка наемников на его плечах ослабла.

Предводитель кивнул своим людям, чтобы те отпустили пленника.

— Что за просьба?

— Дайте мне меч. Я сделаю всё сам.

На мгновение воцарилась тишина. Лидер недоверчиво переспросил:

— Сделаешь сам?

Чу Юань кивнул:

— Сегодня канун Нового года. Зачем вам осквернять руки кровью в такой праздник?

Он достал из-за пазухи нефритовую подвеску в форме кролика превосходной работы и бросил ее предводителю.

— Это самая ценная вещь, что у меня осталась. Она стоит сотню золотых. Прошу, окажите мне эту милость... Я лишь хочу уйти с достоинством.

Красавец упрямо вскинул голову, в уголках его покрасневших глаз скопилась влага, и одинокая слеза беззвучно скатилась по бледной щеке. Вид этого хрупкого, сломленного горем юноши мог бы тронуть даже камень.

Люди в черном переглянулись. Предводитель взвесил в руке кролика и, спрятав его за пазуху, разрешил:

— Хорошо. Дайте ему меч.

К ногам Чу Юаня со звоном упал клинок. Юноша наклонился, чтобы поднять его; когда он выпрямился, его пошатнуло, и он едва не выронил тяжелое оружие.

— Благодарю... Прошу вас, — прошептал он едва слышно, — отвернитесь на мгновение.

Чу Юань выглядел призраком: бледный, с дрожащим голосом, он, казалось, мог рухнуть от малейшего дуновения ветра. Наемники, уверенные в своем превосходстве, спокойно отвернулись. Их было много, они были опытными бойцами и не воспринимали пленника всерьез. Прикончить его для них было проще, чем раздавить муравья.

Пока лидер прикидывал в уме, сколько золота выручит за нефрит и в какую лавку они отправятся с братьями выпить доброго вина, тишину внезапно пререзало яростное ржание.

Они резко обернулись, но было поздно: Чу Юань с силой вонзил меч в круп лошади. Обезумев от боли, животное сорвалось в галоп. Юноша успел ухватиться за вожжи и, распластавшись на досках экипажа, на бешеной скорости умчался прочь.

Всё произошло в мгновение ока.

— Проклятье! Мы попались на удочку! Живо за ним! — прорычал предводитель.

Чу Юань мертвой хваткой вцепился в веревки. Ладони были стерты в кровь, кожа намокла от алых пятен, но он не чувствовал боли. Несколько раз его едва не вышвырнуло из кареты, но он продолжал карабкаться на козлы, стиснув зубы.

«Еще немного. Нужно продержаться еще совсем немного, и я оторвусь»

Наемники не отставали, преследуя беглеца по пятам. Лошадь, ведомая безумием, пронеслась в таком темпе добрых две ли.

— Так мы его не догоним! — крикнул один из преследователей.

— Снимем его скрытой стрелой!

— Нет, слишком далеко, не попадем! — оборвал его лидер.

Он вперил яростный взгляд в спину Чу Юаня. Достав ту самую подвеску, он дождался нужного момента и с силой метнул ее. Тяжелый нефрит угодил точно в ногу лошади.

Раздался хруст кости. Конь споткнулся и по инерции рухнул вперед всем своим массивным телом. Карета с грохотом перевернулась. Чу Юань не успел спрыгнуть: его выбросило на землю, и тяжелое деревянное дышло ударило его прямо по голове. Он потерял сознание.

Движение прекратилось. Люди в черном подошли к обломкам, их лица дышали холодом.

— Беги же! Что, больше не можешь? — лидер подошел к нему, скрипя снегом, и с силой пнул Чу Юаню в плечо.

Юноша лежал в сугробе с закрытыми глазами, из уголка его рта текла тонкая струйка крови.

— Кончай с ним скорее, нужно возвращаться и докладывать, — поторопил кто-то из группы.

Наемник обнажил меч и направил острие на пленника:

— Сейчас я отправлю тебя на перерождение.

Длинный меч резко опустился, рассекая морозный воздух и неся с собой ледяную жажду убийства.

Раздался резкий свист, а за ним — звук пробитой плоти. Наемник замер с широко открытыми глазами и замертво рухнул на снег. Прямо в центре его груди торчала острая стрела из черного железа.

Сквозь завывание вьюги послышался стремительно нарастающий топот копыт.

Лу Жунхуай появился из метели подобно Яме из преисподней, источая неистовую жажду крови. В руках он сжимал тяжелый лук. Следом за ним неслись трое темных стражей из Стражи Черного Пера.

Ледяной ветер ревел, кружа хлопья снега.

— Это князь Ли и Стража Черного Пера! Спасайтесь! — наемники в мгновение ока бросились врассыпную.

Взгляд Лу Жунхуая был острее любого клинка.

— Казнить на месте. Никого не оставлять в живых.

— Слушаемся! — Сянь Фэн и остальные воины пришпорили коней и исчезли в снежной пелене.

Лу Жунхуай спрыгнул на землю и широкими шагами направился к Чу Юаню. Карета лежала на боку, придавив ногу юноши. Глядя на это едва живое тело, князь нахмурился.

Он приложил пальцы к шее Чу Юаня, проверяя пульс, и негромко пробормотал:

— Стоило мне ненадолго отлучиться, как ты довел себя до такого плачевного состояния.

Лу Жунхуай опустился на одно колено. Одной рукой он прикрыл ногу юноши, а другой ухватился за край перевернутого экипажа. В одиночку он приподнял тяжелую карету и свободной рукой осторожно вытянул ногу Чу Юаня.

Левая пострадала меньше, но правая голень была неестественно вывернута — кость явно вышла из сустава. Князь мечом отсек несколько щепок, разорвал занавеску кареты на полосы и наложил временную шину. Затем он бережно поднял супруга на руки.

Почувствовав, какая ледяная и жесткая одежда на Чу Юане, Лу Жунхуай недовольно свел брови. Тело в его руках почти не отдавало тепла. Вспомнив, что внутри повозки осталась лисья шуба, князь развернулся, намереваясь достать ее и укрыть юношу.

В этот миг его зрачки сузились.

Наемник, пронзенный его стрелой, всё еще цеплялся за жизнь. В его руке было зажато скрытое оружие, острие которого целилось точно в незащитного Чу Юаня. На лице умирающего застыла жестокая, торжествующая усмешка.

Раздался сухой щелчок вылетевшего снаряда.

У Лу Жунхуая не было возможности перехватить его. Повинуясь инстинкту, он мгновенно развернулся, закрывая собой Чу Юаня и крепко прижимая его к груди.

Стрела мгновенно пробила спину князя и вошла в тело.

На его лбу вздулись вены, челюсти плотно сомкнулись. Сдерживая рык боли, он подошел к наемнику и одним ударом раздавил ему шею.

— Господин, на стреле яд! — Сянь Фэн, покончив с остальными, в ужасе подбежал к нему.

— Я в порядке, — бросил Лу Жунхуай. Он понял это сразу, как только сталь вошла в плоть. Сознание начало подергиваться дымкой, но он, преодолевая себя, устроил Чу Юаня на лошади. Заметив, что его ладони в крови, князь понял — это была кровь юноши, оставшаяся на руках, когда он поддерживал его голову.

— Сначала спасайте его.

<http://bllate.org/book/15308/1354327>